

Проект «Мантикора»

12+

литературный конкурс

Проект особого
значения

Почикаев
Павел

Павел Сергеевич Почикаев

Проект Мантикора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67722498

SelfPub; 2022

Аннотация

Безработный мужчина получает неожиданное предложение о сотрудничестве при весьма сомнительных обстоятельствах, не зная истинных целей и не представляя последствий, он принимает его и запускает цепь последующих событий. Учёный останавливается в шаге от величайшего открытия, а местному детективу выпадает странное расследование, которое приводит его в лабораторию. Какие секреты скрываются за её стенами? Что столь тщательно оберегают её сотрудники? И на какие жертвы готовы пойти они ради пользы обществу?

Это история о путях прогресса, которые отнюдь не всегда бывают благими.

Содержание

Толковый специалист	4
Любитель понедельников	18
Странная смерть	25
Сделка на честном слове	39
Влиятельный человек	71

Павел Почикаев

Проект Мантикора

Толковый специалист

Человека в костюме он заметил сразу. Тот сидел практически в самом углу, один в небольшой кабинке. Застывший в дверях Антуан придиричиво разглядывал стены заведения, в котором ему была назначена встреча: свет приглушен, по стенам обвисшие гирлянды жёлтых тонов, на высоком кронштейне телевизор с трансляцией матча, но качество картинки оставляет желать лучшего... Едва ли хоть кто-то обратил внимание на его появление, стук двери и звон колокольчика были здесь слишком частыми звуками, чтоб отвлекаться на них, исключение составлял лишь тот джентльмен в угловой кабинке, который вне всякого сомнения дожидался именно Антуана.

Заведение представляло собой обыкновенную круглосуточную забегаловку, одну из тысячи подобных, разбросанных по всем улицам города. Неприметное и по большому счёту малопривлекательное место, менее всего подходящее для собеседования, однако ему были продиктованы конкретный адрес и время, и после некоторых колебаний, Антуан всё же решил принять приглашение. В голове он держал мысль о

том, что в любой момент сможет отказаться и уйти.

Он двинулся в дальний угол по направлению к занятой кабинке. Сидящий в ней человек не сделал никакого приглашительного жеста, но его взгляд сразу сосредоточился на фигуре вошедшего, словно таким образом он стремился примагнитить к себе безработного специалиста. Когда до столика оставалось несколько шагов, человек в костюме поднялся и протянул Антуану сухую руку с длинными пальцами.

– Доброго вечера. Приятно знать, что вы откликнулись на наше приглашение. Вы можете обращаться ко мне Монро. Присаживайтесь, сейчас принесут напитки.

Немного обескураженный излишней манерностью Антуан автоматически ответил на рукопожатие и присел на мягкий диванчик по другую сторону стола от Монро. В таком положении дверь находилась у него за спиной, что вызывало смутное чувство беспокойства, да и сам Монро производил отталкивающее впечатление: у него было узкое лицо и пытливые глаза-щёлочки, худые бледные пальцы он складывал домиком на краю столешницы, и на одном из них поблёскивал перстень с зелёным камнем.

За их столом повисло неловкое молчание, которое давило на Антуана, но ни в коей мере не мешало Монро разглядывать его, холодные глазки, казалось, исследуют лицо пришедшего, выворачивая наизнанку его переживания и тревоги. В жизни Антуана случалось множество собеседований, но ни на одном из них он не чувствовал себя столь беззащит-

ным и голым. Он в очередной раз напомнил себе о том, что в любой момент может уйти отсюда.

Рядом с ними появилась официантка, одной рукой удерживая поднос, другой она быстро поставила перед Монро изящный вытянутый стакан с прозрачной жидкостью и какими-то фруктами, перед Антуаном – высокую кружку с пузырящейся пеной и поспешила к другим столикам, где царила более оживлённая атмосфера.

Антуан удивительно устался на появившуюся перед ним кружку, в нос ему ударил привычный запах хмеля. Отразившиеся на его лице эмоции позабавили Монро.

– Да-да, светлое, нефiltroванное немецкого производства. Всё, как вы предпочитаете, Антуан.

– Откуда вы узнали? – Собеседование становилось всё страннее, конечно, этот Монро мог просто угадать сорт любимого пива Антуана, но почему-то это объяснение не выглядело удовлетворяющим.

– Я самым тщательным образом ознакомился с вашим досье. – Монро смотрел на него поверх переплетённых пальцев, он был абсолютно равнодушен к принесённому для него напитку. – Это часть моей работы.

Антуан сомневался, что в каком-нибудь досье указывается предпочитаемое им пиво, он собирался указать на это, но внезапно инициативу перехватил Монро:

– Мне посоветовали вас, как толкового специалиста. Я слышал от нескольких людей весьма хвалебные отзывы о

ваших способностях в области программирования. Ваш послужной список говорит сам за себя. Дело в том, что я представляю интересы весьма влиятельного человека, который рассматривает вариант сотрудничества с вами. Я здесь для того, чтобы провести переговоры по поводу работы, ведь, если я не ошибаюсь, вы сейчас как раз освободились?

Слова про «толкового специалиста» возымели нужный эффект, ушла часть напряжения, появившаяся между ними, Антуан чуть расслабился и придвинул к себе высокую кружку. Да, он умел зарабатывать деньги и за свою работу выставлял немалый ценник, пусть даже конечный итог и не всегда оказывался надлежащего качества. Но проскользнувший в самом конце намёк на его увольнение немного подпортил впечатление от слов Монро. Антуан до сих пор достаточно болезненно переживал свой уход и нынешний статус безработного. Он шумно хлебнул пива.

– Не могли бы вы немного рассказать мне о своём последнем месте работы? – Монро сразу почувствовал, что тема будет неприятна его собеседнику, но она имела прямое отношение к той задаче, которую он собирался поставить перед Антуаном. – Мне известно, что имел место какой-то скандал, что вас уволили совершенно несправедливо, но это лишь слухи. Рассказ от первоисточника поможет мне заполнить белые пятна этой истории и, исходя из неё, я сделаю вам своё предложение.

Антуан явно колебался, он крутил пивную кружку меж

ладоней, он раскрыл рот, закрыл и обернулся через плечо.

– О, не стоит волноваться. – Успокоил его Монро. – Ваши слова не пойдут никуда дальше меня и моего начальника. Никто сторонний не узнает об этом.

Он одобрительно кивнул, призывая Антуана поделиться с ним грязным бельём, а раз уж того уже ничего не связывало с предыдущим местом работы, то ни о какой корпоративной этике он более не задумывался.

– В первую очередь, вам следует понять, что меня не уволили, я сам ушёл. – Антуан решительно хлебнул пива, что придало ему дополнительной храбрости, ведь в действительности дела обстояли с точностью да наоборот, но в данный момент он находился на собеседовании, а значит, ему нужно было продать себя как можно дороже. – Я ушёл сам, потому что это место перестало удовлетворять моим требованиям.

– Каким именно? – Как бы между делом ввернул Монро и махнул официантке. Стакан Антуана уже опустел, и возле него нарисовался новый.

– Зарплата. – Отрезал Антуан, переключаясь на полную кружку. – Они отказали мне в повышении, всё ссылались на какие-то коэффициенты, тыкали в лицо регламентом, говорили о перспективе нескольких месяцев... Они пудрили мне мозги, пока я не выдвинул решительный ультиматум: или деньги, или я ухожу... Мне ничего не прибавили, поэтому к концу недели я написал заявление об уходе и покинул ту обитель скряг!

Алкогольные пары уже возымели некоторое действие на его возбуждённый мозг, отчасти Антуан даже верил собственным словам.

– Очень опрометчивый поступок с их стороны! – Теперь в голосе Монро слышались нотки участия, но глаза-щёлки была по-прежнему холодны. – Отпустить такого специалиста, уверен, они жалеют о подобном исходе, вряд ли им удастся подыскать вам достойную замену, а ведь весь вопрос был всего в небольшой прибавке.

– Вот именно! – Подхватил Антуан, хотя затребованную им прибавку никак нельзя было назвать «небольшой».

– Скажите, а вы можете просветить меня касательно деятельности этой организации? Опять же я имею лишь поверхностное представление, мне необходимо погрузиться в суть происходящего там. Это крайне интересует моего начальника, если бы вы могли рассказать об этом... – Монро умело манипулировал Антуаном, который и не догадывался о том, что его собираются использовать в качестве дойной коровы.

Безработный специалист наблюдал за пузырящейся пеной в своей кружке, их разговор всё меньше напоминал собеседование, со стороны могло показаться, что в угловой кабинке сидят два давешних товарища и делятся тяготами жизни.

– Ну... Это нечто производственной площадки на базе Университета, научно-производственный отдел. Создание мелких и опытных серий, смысл в том, что этот отдел находится в очень тесной связи с преподавательским соста-

вом Университета. По сути, преподаватели выступают в роли советников-теоретиков, а подготавливаемые им студенты в идеале рассматриваются, как готовые кадры, заточенные под нужды производства. В совокупности получается некий симбиоз: Университет даёт знания и идеи, отдел отвечает за производство и реализацию, они воплощают то, что придумывается в широколобых головах Университетских учёных.

– И в каких направлениях происходят разработки? – Монро уверенно направлял безвольного Антуана в нужную ему сторону.

– Это не совсем моя область, но что-то связанное с разработкой новых материалов, целые исследовательские группы занимались вопросами прочности. – Антуан откинулся на мягкую спинку дивана, он пребывал в собственных воспоминаниях. – Всё время стоял такой невыносимый гул: они постоянно разрывали стальные образцы, сминали их на прессах, гнули, обжигали. Не понимаю, как они все не оглохли. Как по мне всё это напоминало лишь чрезмерный перерасход материала, без какого-либо прока, они превращали детали в сломанный мусор, но учёным это нравилось, эти часто приходили понаблюдать за разрушением металлических образцов...

Было видно, что Антуан готов был продолжить неторопливый рассказ про занятия своих бывших коллег, но вновь Монро подтолкнул его во вполне конкретном направлении.

– Скажите, Антуан, вам о чём-нибудь говорит название

«Мантикора»? Вам доводилось слышать о таком проекте?

Минуту безработный выглядел очень сосредоточенным, взгляд его блуждающих глаз сфокусировался на узком лице собеседника, то выражало лишь живой интерес и ничего больше. Антуану в голову и не приходило, что они добрались до ключевого вопроса их встречи.

– «Мантикора»? Да, я слышал это название... – Он в задумчивости стал дёргать себя за нижнюю губу. – Этим занималась очень малая команда, руководил ими один из профессоров. Все старики. Они вообще очень молчаливые кадры, ни с кем, ни о чём не разговаривали, сидели в своей лаборатории перед холодильниками и что-то там химичили...

– Перед холодильниками? – Переспросил Монро, словно желая свериться с имеющейся у него информацией. – Зачем же им нужны были холодильники?

– А вот кто ж их знает? Они самые скрытные из всех, никому ничего не показывали. – Тут Антуан заговорщицки наклонился вперёд, собираясь, видимо, поведать Монро какую-то тайну. – Знаю только, что их руководитель – тот самый профессор – специализируется на обработке материалов, у него полно всяких патентов по этой тематике. Среди нас говорили, что вся «Мантикора» этим и занимается – железки обрабатывает, но способом каким-то секретным. Ещё они покупали металлическую стружку, целыми мешками заносили себе в лабораторию – об этом тоже много разговоров ходило, но я не проявлял к ним никакого интереса. Мои за-

дачи – более ответственные и высокооплачиваемые, поэтому прочим я практически не уделял внимания. – Антуан вернулся к спинке дивана, тоскливо заглянул внутрь опустевшей кружки. – Ещё был отдел, который занимался...

Но поднятая ладонь Монро заставила его остановиться. Видимо, его ответ в какой-то степени удовлетворил любопытство человека в костюме, и тот обдумывал только что услышанное. Мигающие жёлтые огоньки отражались от его перстня, отчего казалось, что внутри камня происходят маленькие взрывы.

В самом деле в голове Монро в этот момент происходили разнообразные мыслительные процессы, он сравнил, взвешивал и постепенно склонялся к принятию решению. Он упёр локти в стол, поверх ладоней разместил гладкий подбородок и одарил Антуана долгим взглядом, тому пришлось отвести глаза и уставиться на краешек кружки, по которому он водил пальцем.

– В зону вашей ответственности входили защитные системы, не так ли, Антуан? Вы управлялись с камерами, запорными механизмами, электрическими замками, если я правильно понял написанное в досье.

– Всё так и было. – Кивнул Антуан. – Но какое это имеет отношение к...

– Скажите, насколько сложна система защиты научно-производственного отдела? – Монро не стал отвлекаться на реплику собеседника, их разговор переходил в решаю-

щую стадию, и здесь условность и вежливость надлежало заменять прямоотой. – Есть ли возможность, скажем так, внешнего вмешательства в работу системы? Можно ли обойти сигнализацию?

Антуан успел ответить прежде, чем смысл вопроса дошёл до его помутнённого сознания:

– Да, при должном навыке это можно повернуть...

– Вы обладаете должным навыком? – Незамедлительно последовал новый вопрос.

Программист озабоченно огляделся, никто из посетителей забегаловки не проявлял ни малейшего интереса к их разговору, все были заняты собственными делами, как раз в этот момент кто-то поднял громкость телевизора. Усиленный голос диктора комментировал последние минуты матча.

Убедившись в отсутствии лишних ушей, Антуан снова склонился над столом, стремясь сократить дистанцию до Монро.

– Вы предлагаете мне обойти защитную систему отдела? Это противоречит закону!

– Я спрашиваю, обладаете ли вы должным навыком, чтобы это выполнить. – Голос Монро ни капли не изменился, тот продолжал разыгрывать обычное собеседование. – Так что ответит человек с вашей квалификацией на поставленный вопрос?

Задетый за гордость Антуан посчитал своим долгом сразу оправдать свою специальность.

– Конечно, я обладаю этим навыком! Между прочим, за два года работы я успел изучить эту систему вдоль и поперёк, частично она работает на моих алгоритмах! К тому же несколько раз я вмешивался в неё, когда решал устроить себе выходные, а система и камеры выдавали информацию о том, что я присутствовал на рабочем месте! – Закончил он на тон выше прежнего и осознал, что ненароком сболтнул лишнего.

Монро не упустил ни слова из его речи. Антуан выругался про себя, но отступать ему было уже некуда.

– Это хорошо. – Снисходительно произнёс человек в костюме, словно в сказанном для него не было ничего шокирующего. – Сейчас, Антуан, я проясню вам кое-какие аспекты нашей встречи. Я уже акцентировал ваше внимание на том, что представляю интересы чрезвычайно влиятельного человека, которому вы можете оказать услугу. Видите ли мне известно о том, что у вас внушительная задолженность по выплате кредита в банке «Ларс и Содар», – от Монро не укрылось, что Антуан вздрогнул, – при таких обстоятельствах визит коллекторов лишь вопрос времени, а вы сейчас не в том положении, чтобы рассчитываться с долгами. Мы предлагаем освободить вас от этой задолженности и даже заплатить немалую сумму за содействие нам, а от вас потребуются лишь знания толкового специалиста, которыми вы обладаете.

Из внутреннего кармана Монро извлёк блокнот в кожа-

ном переплётёте, потянул за закладку и раскрыл на нужной странице. Он развернул его так, чтобы Антуан мог разглядеть написанное. Вверху стояла сегодняшняя дата, под ней была записана фамилия и сумма.

– Это размер вашего долга к текущему вечеру. – Монро подчеркнул множественные нули ногтём. – Мой начальник позаботится о том, чтобы эта сумма исчезла, а вы получите единоразовую выплату в размере тройного своего оклада. Вполне хватит для того, чтобы со спокойной совестью заниматься дальнейшим поиском работы. Ах, да я подразумеваю повышенный оклад, тот самый который сочли непомерно большим ваши предыдущие работодатели.

Предложение казалось всё более и более соблазнительным. Антуана сильно пугала записанная в блокноте цифра, к тому же он нуждался в деньгах, потому как имел привычку очень быстро с ними расставаться.

– И что хочет ваш влиятельный человек от меня? Обмануть систему, отключить камеры наблюдения, позволить ему проникнуть на территорию отдела? – Собеседование превратилось в обсуждение криминальной схемы, Антуан был явно не готов к тому, что дело примет столь внезапный и опасный поворот.

– Он просит от вас всего вышеперечисленного. – Согласно кивнул Монро. – Но так как дело предстоит крайне пикантное, мы не можем вовлекать в него кого-то ещё, поэтому в добавок ко всему вам самому предстоит проникнуть на

территорию отдела и взять один из образцов проекта «Ман-тикора».

– Что? – От удивления Антуан чуть не перевернул стоящие перед ним кружки. – Это будет уже воровство! Я не могу на такое пойти! А если меня поймают?

– Разве вы не зарекомендовали себя, как специалист высшей категории? – Поинтересовался Монро. – Судя по вашим словам, вы весьма просто можете обмануть сигнализацию и камеры или я понял вас не совсем верно? – На этот раз Монро ехидно улыбнулся. – Ваша квалификация расхваливается во всех резюме, которые мне доводилось читать. К тому же, так у вас появится возможность в некоторой степени отомстить сидящим там скрягам. Можно рассматривать это, как торжество справедливости.

– Но... но... – Антуан пытался возразить, да только ему нечем было крыть. Человек в костюме заманил его в ловушку, и сейчас она захлопнулась.

– Вот вам номер. – Монро поднялся и положил перед обманутым Антуаном визитку. – Позвоните по нему, когда примите окончательное решение. От вас потребуются сказать только «да» или «нет». В случае положительного ответа я назначу вам повторную встречу и проясню некоторые детали, которые обезопасят вас. Если вы действительно толковый специалист, то предстоящая работа не вызовет у вас никаких осложнений.

После этого как ни в чём не бывало Монро застегнул

пуговицы пиджака и неспешно двинулся в сторону выхода, блестя лакированными туфлями. Антуан крепко сцепил под столом руки, пытаясь унять сильную дрожь, а глаза его смотрели на изящный стакан, из которого его собеседник не сделал ни единого глотка.

Любитель понедельников

Вопреки сложившемуся мнению профессору нравились понедельники. Они были ничуть не хуже всех прочих дней недели и в большей степени способствовали уединению – профессор любил приходить пораньше и в тишине своей лаборатории заниматься экспериментами. Через несколько часов площадь производственного отдела заполнится людьми, а вместе с ними прибудет и суета: слышатся разговоры и раздражающие телефонные звонки, включатся станки и насосы, в общем, установится типичный фон рабочей атмосферы, в котором иногда так трудно бывает сосредоточиться.

Учитывая всё это и малую потребность во сне, профессор предпочитал оказываться на своём рабочем месте как можно раньше. Он поднялся по ступенькам на крытое крыльцо, поймал на груди болтающийся пластиковый прямоугольник в потрёпанном держателе и приложил его к прорези магнитного замка. Послышался знакомый писк, и дверь впустила его внутрь.

Во всём отделе не горело ни единой лампы, помещения были залиты полумраком. Нашарив рукой рубильник, профессор щёлкнул им и тут же сощурился. Как и всегда на протяжении последних нескольких месяцев в первую очередь его взгляд сфокусировался на широкой пробковой доске, к которой разноцветными кнопками крепились всевозможные

напоминания, сообщения, извещения и прочие информационные материалы разнообразных форм и содержаний. Кто-то завесил объявление о международной конференции по вопросам инновационных технологий, но профессору был виден самый его уголок, выглядывающий из-под размалёванного постера. Он сочувственно покачал головой – вывешенные объявления в какой-то степени отражали сдвинувшиеся приоритеты молодого поколения.

По левую руку от него вырисовывалась арка, ведущая в конструкторский отдел, там неясно мерцали спящие мониторы, жужжали компьютеры, с правой стороны располагалась комната административного персонала, её занимали важные, но мало что понимающие люди. Профессору достаточно приходилось сталкиваться с некомпетентностью руководящего состава, что всякий раз отнимало существенное количество времени и тормозило его работу. Без лишней необходимости он старался не заходить в эту комнату и по всем вопросам свести общение с её обитателями к минимуму.

Более тридцати лет он преподавал в Университете, к которому примыкал производственный отдел, он преодолел немалый путь от неумелого студента до профессорского звания, от теоретических основ до собственных смелых гипотез, от задумок до реализаций и оформления патентов. Для своего возраста ему удалось сохранить достаточную гибкость ума, чтобы не превратиться в закорюченный старика,

бездумно повторяющего давно заученные фразы. Профессор держал свой мозг в прекрасной форме, он был открыт новым веяниям, он совершенствовал собственные приспособления и с большим нетерпением ждал предстоящей международной конференции.

Под его руководством находился проект, о значении которого знали лишь единицы и носивший неофициальное название «Мантикора». Профессор сплотил вокруг себя кружок приближенных коллег и с большим азартом принялся за эксперименты, довольно быстро позволившие нащупать правильное направление дальнейших исследований. Если бы не препоны, выражающиеся в бумажной волоките, если бы не проблемы с поставками некоторых компонентов машин, если бы со стороны руководящих личностей было бы больше отдачи и желания идти навстречу... Если бы... Слишком много сослагательного наклонения, неуместного в реальной жизни, действительность была такова, что даже те мизерные, сиюминутные успехи давались учёным с превеликим трудом.

Иногда профессор в самом деле не понимал ответственных людей, принимающих решения: неужели они не заинтересованы в дальнейшем развитии? Неужели они просто не понимают, какой шанс выпал всему Университету, какое уникальное открытие готовится в его стенах? Сколько раз ему приходилось сдерживать гнев, чтобы не сорваться на никчёмных дилетантов, стопорящих всю его работу! На-

копленные за время преподавания идеи рвались наружу, его распирало от открывающихся возможностей, он не уставал изобретать всё новые способы применения образцов, попавших в его бережные руки. Перспективы грозили расширить представления о механической обработке, перевернуть их, по-новому осмыслить данную дисциплину...

Это был не только его шанс, это был шанс всего человечества, это был шаг на следующую ступень технологического развития, но в данный момент только несколько человек имели представление об истинной ценности экспериментов с непонятным названием «Мантикора» и, увы, практически не имели никакой поддержки руководящего состава и всех тех привилегий, исходящих от него.

Утром профессору хорошо думалось, он был один во всём здании, и ничто не портило иллюзорную свободу его изобретательской фантазии. Для себя он давно принял решение, что доведёт работу до конца, несмотря на внешние раздражители и полное непонимание и неприятие его попыток. Он точно знал, что в образцах скрывается внушительный потенциал, и результаты экспериментов всё больше подтверждают его ожидания.

Прежде всего он собирался запустить кофе-машину, медленно выпить стаканчик, а затем уже перейти непосредственно к запланированной на эту неделю серии тестов. Небольшая столовая зона находилась по соседству с кабинетом администрации. Профессор вытащил с верхней пол-

ки свой стакан, проверил наличие зерна в выдвижном отсеке и, задав крепость будущего напитка, поставил стакан под краник. Вполне естественно взгляд его скользнул по верхней крышке кофе машины, на которой размещалась эмблема изготовителя. Хромированные буквы «МЛ» – символ «МеханикаЛарс» – блеснули под флуоресцентными лампами и нашли отражение в нахмурившихся глазах профессора.

Корпорация Ларса, наплодившая множество дочерних компаний, уверенными шагами двигалась в сторону светлого будущего, обещая людям всевозможные удобства и блага, но только профессор был не согласен с теми методами, к которым она прибегала, прикрываясь новомодными тенденциями и дорогой рекламой. И профессор, и корпорация стремились к прогрессу, но выбирали для этой благой цели совершенно разные дороги.

Получившая заказ кофе-машина начала издавать булькающие звуки, ей требовалось некоторое время на приготовление напитка, профессор как раз успел бы запустить свой компьютер и подготовить тестовые таблицы, ему не терпелось приступить к эксперименту.

Прямо возле двери столовой зоны начинался длинный коридор, по бокам которого располагались входы в различные отделы. За широкой раздвижной дверью находился цех механической обработки, вдаль уходили ряды сверлильных, токарных, фрезерных станков. Пробивающееся сквозь жалюзи солнце красило застывшие механизмы в яркие цвета, без-

жизненно висели провода, пол был усеян стружкой, и кругом стоял устойчивый запах смазки. Это картина была хорошо известна профессору ещё со студенческих времён, практически вся его осмысленная жизнь была связана со станками и тяжёлой наукой конструкционной обработки. Однако сегодня его интересовала соседняя дверь.

Вход в лабораторию соседствовал с механическим цехом, и профессор с расстояния в несколько шагов обратил внимание на произошедшие изменения. Табличка на двери висела криво. Он абсолютно был уверен в том, что в пятницу вечером та располагалась строго по центру, потому что иначе он – прирождённый перфекционист – заметил бы такое и в обязательном порядке поправил бы табличку. Да и кто мог бы сбить её, если перед выходными профессор последним покидал помещение лаборатории?

Тень неприятного предчувствия коснулась его сердца. Он протянул руку, выровнял табличку и только после этого прикоснулся магнитным ключом к щели. Перед ним раскрылась ещё одна тёмная комната, где-то на другом конце коридора гудела кофе-машина, но профессор моментально выбросил её из головы, ему не нравилось шевельнувшееся внутри предчувствие. Он зажёл свет.

С детства приученный к порядку профессор не выносил вида разбросанных вещей, не могло и речи быть о том, чтобы оставить в лаборатории инструмент или тестовый журнал не на своём месте. Порядок должен присутствовать не только в

голове, но и на рабочем месте! Этой аксиомой он руководствовался на протяжении всей жизни и не видел поводов для отказа от неё. Однозначно он не мог оставить лабораторию в таком состоянии перед своим уходом, такое просто исключено!

Ближайший к двери стол был сдвинут с места, выпавшие из органайзера ручки рассыпались по столешнице, стулу и частично попадали на пол. Тут же валялись вычерченные графики и сводные таблицы, линейки и нераспечатанная упаковка канцелярских скрепок. Очевидно, что кто-то задел стол или, что вероятнее, врзался в него с такой силой, что опрокинул стоящие на нём предметы.

Жуткие подозрения возникли в голове профессора, он понимал единственность объяснения произошедшему, но до последнего отказывался в него верить. Он страшился того удара, который мог обрушиться на него в ближайшее время. На нетвёрдых ногах он пересёк первую комнату и застыл на пороге второй, боясь включить подсветку. Его правая нога заскользила в сторону, и ему пришлось ухватиться за стену, чтобы не потерять равновесие.

По полу растекалась обширная лужа. Взяться она могла только из холодильника, к прозрачной панели которого был устремлён безнадёжный взор профессора. По ту сторону стеклянной перегородки были установлены пневматические улавливатели, зажимающие сосуды с образцами. Четвёртый в ряду отсутствовал.

Странная смерть

Налицо были явные следы взлома. Это даже не пытались скрыть. Складывалось впечатление, что дверь чуть ли не сняли с петель – так неизвестные торопились попасть внутрь, что не сочли нужным прибегнуть к аккуратности. Замок был разворочен, а менее крепкие засовы просто вырваны из креплений. Судя по всему, для них единственным критерием являлась скорость, а всем остальным можно было пренебречь, даже жизнью несчастного, к которому они не проявили ни капли внимания. Подобное равнодушие к умирающему придавало ситуации ещё больший налёт загадочности. Из этого следовало, что взлом двери и проникновение в квартиру преследовали иные цели, никоим образом не связанные со спасением её жильца.

Чуть позже со слов соседей удастся установить примерную последовательность событий, происходивших воскресным утром в упомянутой квартире, но общая картина от этого примет только более запутанный вид. По заявлениям нескольких лиц сначала они слышали дикие крики, причиной которых, по их мнению, являлась боль. Такие звуки издают не напуганные люди, не злящиеся и не ссорящиеся, длинные завывания на протяжении довольно продолжительного времени говорили о сильных телесных страданиях. Самый первый, резкий вскрик заставил некоторых соседей

проснуться, затем крики не прекращались до самого конца, иногда к ним прибавлялся грохот разбиваемой посуды, несколько раз падала крупная мебель, но человеческий голос, исполненный страдания, слышался на протяжении двадцати минут, по истечению которых жилец квартиры предположительно скончался, так и не дождавшись приезда полицейских.

Интересно получалось, что крики начались несколько раньше появления незваных гостей, коих предположительно было двое, то есть неуклюжий взлом в действительности не являлся причиной мучений мужчины, но, его состояние в некоторой степени объясняет поспешность действий внезапных посетителей – им хватило ума сообразить, что в скором времени в квартиру нагрянут полицейские. Но при этом им необходимо было попасть внутрь, даже рискуя нарваться на слуг закона. С чем же была связана столь насущная потребность? Почему они никоим образом не помогли умирающему мужчине? И почему их визит и его смерть совпали?

На эти и многие другие вопросы нужно было ответить детективу Эрзе Генрику, которому и досталось это дело. Патрульный встретил его у подъезда и, пока они вместе поднимались по лестнице на шестой этаж, успел пересказать те крохи информации, что имелись на данный момент. Естественно, в первую очередь, детектив решил задержаться около входной двери и внимательно её осмотреть.

– Дверь была закрыта, когда вы здесь оказались? – Поин-

тересовался он, сидя на корточках и заглядывая в скважину.

– Она была прикрыта, но не зафиксирована замками. – Ответил ему сержант, первым прибывший на место преступления.

Эрза кивнул: те, кто покидали квартиру, весьма сильно торопились, у них не было времени возиться с дверью, да и смысла в этом не было никакого. Интересно было бы узнать, насколько они разминулись с полицейскими, спешащими на вызов.

– А крики начались до того, как дверь выломали? – Детектив не торопился подниматься, теперь он осматривал пыльный коридор и лестницу, которой должны были воспользоваться беглецы.

– Да, всё так. – Сержанту приходилось ранее работать с Генриком, он знал манеры и привычки детектива, поэтому заранее и озаботился опросом возможных очевидцев.

– В таком случае понятно, почему они прибегли к такому способу. В тот момент хозяин квартиры уже не имел возможности впустить их внутрь, но им почему-то нужно было сюда попасть...

Проговаривая собственные мысли, Эрза распрямылся, достал из кармана тонкие перчатки, натянул их на руки и уверенно перешагнул порог квартиры. В нос сразу ударил химический запах, Генрик не мог определить его конкретные составляющие, но сомнений в его происхождение не оставалось. Определённо именно такой аромат стоял внутри хи-

мических лабораторий: резкий, раздражающий, отталкивающий. Совершенно не подходящий для жилых помещений, а потому сразу обращающий на себя внимание. Генрик обратил внимание на то, что лица других полицейских сморщились, один даже поднёс к губам носовой платок.

Квартира имела весьма запущенный вид, сразу становилось ясно, что в ней обитает человек, совершенно безразличный к своему окружению. Узкая прихожая упиралась в шкаф с перекошенной дверцей, из которого торчали рукава курток, в полном беспорядке по полу была разбросана разнокалиберная обувь: летние сланцы лежали вперемежку с зимними ботинками, кроссовки чередовались с заношенными туфлями, а в самом углу прятались потёртые футбольные шиповки. Аккуратно ступая по пяточкам свободного пространства, Эрза пересёк прихожую и оказался в просторной, но не менее захламленной комнате. К дальней стене крепился подвешенный велосипед, который, в свою очередь служил, вешалкой для кучи других вещей. Помимо этого, всё остальное пространство находилось во власти беспорядка: спортивное снаряжение занимало целый угол, детектив разглядел беговую дорожку, боксёрскую грушу и целую коллекцию гантелей; тут же стояли разобранные корпуса от компьютеров, лежали вентиляторы, платы, всё было опутано проводами; в большом множестве наблюдались грязные чашки, бокалы, кружки, видимо, хозяин квартиры не утруждал себя мытьём посуды, предпочитая вместо этого всякий раз использовать

новую.

Как понял Эрза, эта комната представляла собой что-то вроде кабинета или рабочего пространства. Хотя трудно было сказать наверняка. Он двинулся дальше туда, где запах химических реакций набирал большую силу. Детектив не сомневался, что эпицентр этого запаха обнаружится возле тела умершего.

Устойчивый химический запах доносился с кухни, именно в том направлении и двинулся Эрза, ведомый чутьём и заранее готовящий себя ко встрече с очередным трупом. Кухня была большого размера, и к тому же полностью освещена, благодаря окнам, расположенным вдоль одной стены. Последнее обстоятельство, однако, не сулило ничего приятного, потому как яркие лучи поднявшегося солнца представляли взгляду крайне приятную картину. Детектив на некоторое время задержался в дверном проёме, ему не приходило в голову, что предстоит столкнуться с подобной мерзостью. Химический запах достиг своего апогея. Луч света отразился от широкой лужи.

Тело представляло собой жуткую пародию на человеческий организм, ранее Генрику не доводилось сталкиваться с повреждениями такого вида. Это были не огневые ранения, не ножевые порезы, не следы когтей хищных животных... больше всего это напоминало ожоги, но оставленные не пламенем, а едкой кислотой. У трупа напрочь отсутствовали пальцы, лишь небольшие бугорки указывали на места

бывших фаланг. Ладони и кисти представляли не менее ужасающее зрелище, кожа отсутствовала, мышцы лишь в некоторых местах прикрывали кости, которые так же утратили свою целостность.

Отвратительное сравнение пришло детективу в голову, ему подумалось, что тело лежащего перед ним человека словно расплавили, как обычную свечку. Ему представились медленно ползущие горячие капли воска... Если на вершине каждого пальца в отдельности установить фитиль и поджечь его, то кожа и плоть будут вести себя схожим образом с плавящимся воском. Что могло причинить такой вред человеку за малый промежуток времени?

Оторвавшись от рук, детектив принялся осматривать остальные части тела. На предплечьях, груди, бёдрах были заметны чёткие полосы выжженной кожи, словно по этим местам водили раскалённым железом. Красные ожоги пызурились волдырями. Ширина каждой линии не превышала трёх сантиметров, и этот размер оставался неизменным, насколько мог судить детектив. Ему с трудом представлялся инструмент или приспособление, способное оставить такие следы на коже человека, к тому же тот должен был корчиться от боли, его тело пребывало в конвульсиях. Вряд ли в таких условиях удалось бы сохранить неизменную толщину полосы. Желая хоть на некоторое время оторваться от искалеченного тела, Эрза Генрик повернулся к стоящим у него на спиной патрульным.

– Кто он такой?

Сержант с готовностью перелистнул несколько страничек своего блокнота.

– Антуан Сапожин, сорока трёх лет, программист, в данный момент безработный. Разведён последние семь лет. Ни в чём подозрительном замечен не был.

– Есть предположения, что с ним произошло? – Поинтересовался детектив, не особо рассчитывая на ответ.

Полицейские понуро покачали головами, и только тот из них, кто прикрывал лицо платком решил высказаться:

– Выглядит так, будто его пытали.

Действительно, очень похоже, с этим Генрик не мог спорить, вот только для попытки требовался ещё один человек, а бывший хозяин квартиры проживал в гордом одиночестве, как им только что сообщил сержант, а гости к нему заявили позже криков, а значит, не могли участвовать в так называемой «пытке». Здесь имело место что-то совершенно иное.

Детектив вернулся к осмотру трупа. Несколько выжженных полос заканчивались на голове несчастного, от которой осталась разве что деформированная черепная коробка. Щеки, нос, прочие мягкие ткани были оплавлены, глазницы были заполнены кровавой субстанцией, борода и волосы торчали лишь в тех местах, где не проходили красные полосы. Мертвец лежал на спине, облокотившись плечами на радиаторную решётку батареи, его потерявшее привычные очертания

ния лицо было устремлено прямо на дверь, он словно ждал, когда полицейские разгадают причину его смерти.

Одежда, бывшая на Антуане этим роковым утром, превратилась в лохмотья, рубашка с закатанными рукавами, майка и старые джинсы расплзлись на отдельные куски с обугленными краями. То, что оставило следы на теле, в первую очередь прожгло одежду, а уже потом принялось за кожу.

Эрза на два шага приблизился к покойнику, край рубашки прикрывал живот, он был пропитан кровью и от того прилипал к телу, пряча под собой глубокое ранение.

– Мне кажется в том месте, его прожгло насквозь. – Вновь подал голос полицейский с носовым платком. – А у бедра с внутренней стороны выходное отверстие...

Эрза уже заметил подробности этой сцены. Выправленная рубашка по большей части скрывала раны на животе и внутренней поверхности бедра, но с новой позиции Генрику были видны выступающие вперёд кости и кровоподтёк возле ног жертвы.

Генрик собирался повнимательнее рассмотреть увечье, но внезапно его остановил голос сержанта:

– Осторожно, детектив! Не наступите!

Сержант указывал на расплывающуюся лужу воды. Детектив заметил её, как только очутился на кухне, но потом всё его внимание сосредоточилось исключительно на трупe. Он так увлёкся телом, что напрочь забыл про осмотр места

преступления, нужно было незамедлительно исправить этот недочёт.

Лужа вытекала из перевернутой сумки-холодильника, лежащей возле мусорного ведра под раковиной. Несколько холодильных элементов лежали в глубине сумки, большая часть льда давно растаяла и превратилась в воду.

– Вы что-нибудь делали с сумкой? – Строго поинтересовался детектив.

– Нет. Мы здесь ни к чему не прикасались. – Заверил его сержант. – Сумка так и лежала в углу, когда мы пришли. Единственно, льда в ней было побольше.

– Очень неуместный предмет. – Сказал детектив, кивая в сторону сумки. – Особенно с учётом того, что его собственный холодильник вполне работоспособен. – Теперь он указал на серую махину холодильника, занимавшую специальную нишу. Рефрижератор исправно гудел. – Зачем ему в таком случае мог понадобиться ещё один? К тому же крышка с него снята и положена на стол. Заметьте, что она не задела ни одного стакана или тарелки. Её абсолютно целенаправленно и весьма осторожно сняли, чего нельзя сказать о самой сумке. Переносной холодильник нужно было пнуть, чтобы он занял теперешнее положение.

Эрза вполне мог и продолжить делиться своими соображениями по поводу судьбы сумки-холодильника, но в следующий миг его взгляд выхватил кое-что, ранее от него ускользнувшее. Он наклонился над столешницей, усыпанной

мелким мусором и крошками, как и прочие горизонтальные поверхности квартиры, она была заставлена кружками, завалена чайными ложками и фантиками от конфет... Затянутыми в латекс пальцами детектив подцепил что-то и поднёс поближе к глазам, чтобы иметь возможность разглядеть.

На его ладони лежал виток металлической стружки, и всё больше подобных витков попадались ему в поле зрения. Они были рассыпаны по столешнице, и вскоре детектив обнаружил небольшой пакет, заполненный отработанным материалом. Он обернулся к полицейским, но те лишь пожимали плечами, показывая, что не имеют никаких мыслей на этот счёт.

А стружка тем временем повсеместно обнаруживала себя на территории кухни: несколько витков валялись в луже, большая часть находилась на столе, возле кистей мертвеца и на его одежде были замечены металлические чешуйки. Генрику вспомнились разобранные компьютерные корпуса, которые он видел в первой комнате, может они как-то связаны со стружкой? Может Антуан занимался какими-то ремонтными работами, это могло хоть в какой-то степени оправдать появление стружки, но почему тогда она находилась на кухне? Зачем её понадобилось собирать в пакет? Слишком много неясного, а ведь он только приступил к этому делу!

Эрза понимал, что нахождение на кухне в непосредственной близости от трупа переносного холодильника и стружки в должной мере должны прояснять произошедшее здесь

всего несколько часов назад, но в данный момент эти предметы стояли вне логики, детектив не видел между ними ни малейшей связи.

Он не спешил строить никаких догадок по дороге сюда, ему нужно было своими глазами увидеть тело и его окружение, однако в данный момент находился в замешательстве. Обычно осмотр тела давал хоть какие-нибудь намётки возможной версии, но дело не подходило под определение «обычного», о чём можно было говорить, если ему до сих пор не было известно, был ли труп следствием убийства или результатом изуверской попытки самоубийства? Единственное не вызывающее сомнений предположение заключалось в том, что смерть Антуана Сапожина не имела ничего общего с естественными причинами.

И всё же Эрза попытался представить события, имевшие место на кухне за некоторое время до появления полицейских. Одинокий мужчина появляется на своей кухне, одетый в джинсы и рубашку, что является весьма странным выбором для утра. Чем мог быть обусловлен такой гардероб? Генрик решил сконцентрироваться на этом обстоятельстве, временно игнорируя сумку-холодильник и разбросанную стружку.

Было часов восемь, когда соседи услышали первые крики Антуана. Часов восемь воскресного утра, зачем же в такую рань одеваться? Может, у него были какие-то срочные дела, и он готовился выйти из квартиры, а может... Мелькнувшая

догадка поразила Генрика простотой и очевидностью. Может быть, Антуан ждал кого-то и не хотел встречать его в одних трусах? Это согласуется с тем фактом, что в квартире побывал кто-то ещё до появления полиции. Да, определённо в этом предположении что-то было, Антуан решил задержаться на нём и попытаться вписать в эту версию остальные неизвестные члены.

Во-первых, сумка-холодильник, кроме льда и морозильных элементов в ней ничего не было. Такую картину застали уже полицейские, но значит ли, что и до этого всё было именно так? В этом детектив сомневался, Антуан не просто так снял крышку, соответственно, он хотел достать что-то из сумки, либо же положить в неё какой-либо предмет. Но на кухне не было ничего подходящего для этой цели. Ни банок пива, ни мяса, ни мороженого – ничего, что следовало бы упаковать в холод. С другой стороны, достать из сумки Антуан тоже мог всё, что угодно. Содержимое сумки могло в некоторой степени сдвинуть их с мёртвой точки, но касаясь его не было никаких зацепок.

Во-вторых, металлическая стружка. Безработный программист меньше всех походил на человека, у которого должна водиться стружка, но кто вообще в здравом уме станет заниматься сбором стружки? Кому она может понадобиться и с какой целью? Её появление на месте преступления выглядело тупиковой ветвью, по крайней мере, в холодильнике Генрик видел хоть какой-то смысл, а вот стружка

была свободна от его гипотез.

Детектив обдумывал связь между взломанной дверью и пустой сумкой-холодильником. Антуану была назначена встреча, по этой ли причине он появился на кухне с переносным холодильником? Могли ли пришедшие к нему знать о том, что нужный им предмет находится в холодильнике или каким-то образом с ним связан? Судя по тому, что их совершенно не затронула судьба умирающего в мучениях человека, они преследовали определённую цель и могли позволить себе жертвы. Если это и так, то что в таком случае было причиной их встречи, что они должны были обнаружить в квартире Антуана? Получается, их не смутили крики умирающего, «гости» совершенно осознанно взломали дверь в его квартиру. Это говорило в пользу их осведомлённости в происходящем, а ещё о том, что они не хотели допустить того, чтобы некий объект стал достоянием полиции.

Туманная, неясная картина всё же начала прорисовываться в воображении Генрика, он медленно нащупывал связи между событиями, но то были лишь шаги в темноте, окружённой пропастью. Из задумчивости его вывел оклик одного из полицейских:

– Эй, детектив! Взгляните-ка! Это закатилось под шкаф!

Эрза моментально вернулся в действительность, полицейский стоял на коленях, брюки и рукава его формы были испачканы пылью, а в протянутой руке он сжимал стеклянную ёмкость. Поспешивший на его зов детектив бережно принял

находку и сразу поразился её немалому весу. Ёмкость напоминала обыкновенную банку цилиндрической формы и примерно литрового объёма, толщина стенок превышала десять миллиметров, а материал, хоть внешне и напоминал стекло, таковым не являлся. Внутренняя поверхность «банки» была покрыта переливчатыми разводами и сильно пахла химией.

– Тут сбоку, посмотрите!

Совершивший открытие полицейский подсказывал Генрику, но тот и сам уже заметил небольшую табличку, размещённую у основания ёмкости, надпись на ней гласила: «*Научно-производственный Отдел*». Поверх неё размещалось символическое изображение человека с поднятыми вверх руками и раскрытой книгой, расположенной между ними.

А ниже скотчем крепился обрывок бумажки, на котором рукой было выведено: «*Образец №4*».

Сделка на честном слове

Весна в этом году выходила неоднозначной. Едва начавшийся апрель никак не радовал погодным постоянством, каждый день преподнося новые сюрпризы. Затяжные, холодные дожди проливались на город ночами, утро встречало пешеходов промозглой сыростью и мокрыми ботинками, в обед на короткое время выглядывало по-настоящему греющее солнце, но его редкие появления были мимолётными и практически сразу сменялись задевающими крыши домов свинцовыми тучами – предвестниками очередной грозы.

Вылезавший из машины Эрза Генрик оказался совершенно не готов к тёплой погоде. Поверх рубашки он был одет в свитер и длинное пальто. Буквально полчаса назад, когда он выезжал с парковки следственного управления, моросил противный дождик, сейчас же небо над ним было голубым и безоблачным, а лицо обдувал приятный ветерок. Погода менялась быстрее, чем капризы испорченного ребёнка.

Он выбрался на асфальт, после недолгого колебания решил не оставлять пальто в машине и захлопнул дверцу. Генрик пользовался устаревшей моделью «ЛарсМоторс» неприметного сероватого цвета, машина была покрыта слоем грязи, не было заметно даже выступающей эмблемы производителя, обычно отливающего хромированным металлом. Детектив задумался над тем, что неплохо было бы загнать ма-

шину на мойку, но эта мысль моментально вылетела у него из головы, когда он заставил себя отвлечься от суетных мыслей и сосредоточиться на своей работе.

По правую руку от него наблюдалось двухэтажное строение казначейства, над входом которого реял флаг, а на ступеньках стояли люди с недовольными лицами и дымили сигаретами. Эрза не обратил на них, как и на казначейство ни малейшего внимания, он был полностью сосредоточен на здании, стоявшем с другой стороны узенького переулка. Массивные стены Университета из красных кирпичей, были уложены ещё два столетия назад. Во внешнем облике этого здания чувствовалась архаика, от него веяло исторической ценностью, у Университета имелся свой собственный стиль, придающий ему больше весомости. Убогое казначейство попросту терялось на фоне статного и доминирующего образовательного учреждения.

Эрза специально не стал пользоваться главным входом, у него не было желания встречаться с огромным количеством студентов и к тому же интересующее его место располагалось в восточном крыле и имело свой собственный вход. Прямо перед собой детектив видел современную пристройку, примыкающую к восточной стене Университета, металлическая лестница вела на крытое крыльцо, которое упиралось в запертую дверь. Сбоку от дверного проёма располагался знакомый детективу символ: стилизованный человек с книгой. Прямо над щелью для магнитного замка размеща-

лась кнопка звонка.

Ни задав ни единого вопроса, его впустили внутрь. Дверь с противным писком открылась, детектив перешагнул порог, но не успел как следует оглядеться, как перед ним возникла низкорослая женщина с длинными чёрными волосами. Несмотря на возраст, у неё были большие ребяческие глаза, картонная улыбка, приклеившаяся к лицу, и густо напмаженные губы. Эрза сразу смекнул, что в её обязанности входит приём гостей, вот только к его визиту она точно не была готова.

– Доброго дня. Вы к кому? – Её голос звучал сбивчивой скороговоркой, словно ей не терпелось поскорее разобраться с прибывшим и вернуться к своим делам. – Вы по поводу партии заготовок или на собеседование?

Ни тот, ни другой вариант не подходил Генрику, поэтому он достал своё удостоверение и показал женщине. На её лице сразу появилось кислое выражение, а в глазах блеснула неприязнь, Эрзе не раз приходилось сталкиваться с таким, он давно привык к негативному восприятию своего появления.

– Мне нужно пообщаться с начальником лаборатории. – Ответил он деловым тоном. – По важному делу. – Добавил детектив, видя, что женщина не трогается с места.

– Да? – Она оценивающе глядела на него, градус её доброжелательности упал до отрицательного значения в тот момент, когда он показал своё удостоверение. – Это вам нужен

профессор Скуратович, я сейчас приведу его к вам. Подождите, пожалуйста.

Она резко развернулась на высоких каблуках и скрылась за ближайшим поворотом. В её реакции Генрик не заметил ничего подозрительного, конечно, он смутил её своим появлением, видимо, она ожидала кого-то совершенно другого. В его присутствии она проявила настороженность, но не испуг или панику. Сомнительно, чтобы она находилась в курсе происходящего.

Оставленный в коридоре детектив принялся осматриваться. На территории производственного отдела всё время происходили какие-то движения, это место не напоминало сонную обитель, как могло показаться с самого начала. По коридорам без конца проходили люди, при этом практически не обращая внимания на детектива. Лишь некоторые уделяли ему внимание и кивали, другие просто шествовали мимо, спеша по своим делам и пребывая в личных заботах. Гости не были в этом месте чем-то из ряда выходящим, сотрудники давно уже к такому привыкли, а потому присутствие Генрика ни в коей мере не нарушало течения их жизни.

Интересно было бы посмотреть, как они стали бы реагировать на его визит, если бы узнали, с какой целью он прибыл в их учреждение. Хотя за этим дело явно не встанет, черноволосая женщина производит впечатление любительницы поболтать, скорее всего, сразу побежит трепать языком со своими подружками. Такие просто не умеют держать ин-

формацию при себе.

А вот, кстати, и она. Низкорослая фигурка выплыла из-за поворота и первым делом кивнула в сторону Генрика. За ней следовал высокий мужчина в возрасте весьма внушительной комплекции. Как здание казначейства терялось на фоне Университета, так и женщина была едва заметна рядом с появившемся мужчиной. Её голова едва ли доставала до его плеча, да и сам Генрик вынужден был признать, что по росту проигрывает начальнику лаборатории. Каким же он был в юности, если сейчас его широкие плечи были по-стариковски ссутулены? Куда сильнее ему подошла бы роль дровосека, трудно было представить человека столь могучего телосложения, занимающегося наукой, сутками просиживающего за микроскопом или нудными расчётами. При слове «профессор» Генрик рисовал себе совершенно иной портрет.

Мужчина двигался размеренными шагами, его ноги не волочились по полу, в нём вообще не наблюдалось неуклюжести, свойственной людям его возраста. По прикидкам детектива начальнику лаборатории было около семидесяти лет, но выглядел тот на удивление хорошо. Общее впечатление портило только лицо, подавленное выражение которого успел заметить детектив. Мужчина был опечален, и Эрзе хотелось думать, что это верный знак правильности выводов, приведших его в это место.

– Благодарю вас. – На удивление тихим голосом, идущим в разрез с его габаритами, сказал мужчина. Эти слова об-

рашались к женщине, которая, одарив последним взглядом Генрика, нырнула за дверь. – Мне сказали, что вы меня спрашивали. Профессор Скуратович. А вы?

Он протянул вперёд широкую ладонь, которую до этого предварительно вытер о край некогда белого халата.

– Детектив Генрик. Мне необходимо переговорить с вами по поводу одного дела. Наедине. – Эрза ответил на крепкое рукопожатие. Глаза профессора чуть сощурились, тот не отводил взгляда от лица детектива.

– Да? Ну что ж, в таком случае проследуйте в мой кабинет, где мы сможем с вами переговорить наедине. – Профессор сделал приглашающий жест и повёл гостя за собой вглубь научно-производственного отдела и его тайн.

Скуратович спрятал кисти рук в обширные карманы лабораторного халата, на его груди у левого кармана рубашки Эрза заметил какой-то приколотый значок, но не успел его разглядеть, халат профессора укрывал изображение. А ещё при виде этого человека в голове детектива шевельнулось какое-то воспоминание. Эта фамилия, он где-то её слышал, она была ему знакома, вот только Генрику не как не удавалось вспомнить, с чем она связана.

Они миновали широкую дверь, из-за которой доносился гул механических станков, сквозь небольшую щель детектив мог наблюдать людей в комбинезонах, управляющих работающими механизмами. Профессор оказался совершенно невосприимчивым к звукам, доносящимся из цеха, в то вре-

мя как Эрза испытал дискомфорт, шум станков резал его непривычные к производственному фону уши.

Скуратович распахнул следующую дверь, обозначенную табличкой «Лаборатория».

– Там находится цех механической обработки. – Он указал в сторону раздвижных створок. – Шум стоит постоянный, но рано или поздно все к нему привыкают. Вписывают в рабочую атмосферу и перестают замечать его. Не переживайте, он не помешает нашему общению.

Профессор первым прошёл внутрь лаборатории, детективу оставалось только следовать за ним. На этот раз они оказались в маленьком помещении, где в большой тесноте было установлено семь или восемь столов, при чём располагались они так близко друг к другу, что между ними едва оставалось место для узенького прохода. Четыре головы оторвались от экранов и бумажек, чтобы осмотреть посетителей. Генрик обратил внимание, что ближайшее окружение профессора состоит из возрастных людей, здесь не было молодёжи, самому юному работнику лаборатории было никак не меньше пятидесяти лет. Видимо, Скуратович был консервативным учёным, со старыми взглядами на науку и по большей части полагался на опыт и проверенные знания.

Чувствуя некую неловкость от того, что он отрывает этих людей от их работы, Генрик хотел было кивнуть им, но взгляд его, скользнув по их сосредоточенным лицам, наткнулся на нечто, расположенное в следующей комнате. На-

против той двери, через которую они только что прошли, располагалась ещё одна, и за ней виднелся кусочек холодильной установки с прозрачной панелью...

– Детектив? Прошу за мной.

Приблизившийся профессор положил руку ему на плечо и развернул в направлении своего кабинета. При этом он постарался встать таким образом, чтобы своей спиной перекрыть детективу обзор комнаты с большим холодильником. Генрик сразу раскусил его манёвр, но не стал ему противиться, он уже понял, что взял верный след: и эта установка, и поведение профессора вполне вписывались в общую картину происходящего. Тем более детектив успел разглядеть самое основное – за прозрачной панелью отсутствовала одна ёмкость.

Он покорно проследовал в кабинет профессора, любезно придерживающего для него дверь и исполняя роль заслона от любопытных глаз. Генрик не сомневался, что за его спиной Скуратович подал какой-нибудь знак своим людям, ему определённо не понравилось, что глаза следователя обратились к содержимому второй комнаты.

Под стать всей лаборатории кабинет её начальника отличался очень малыми размерами, не подходящими для его габаритов. Главенствующее место занимал стол, поверхность которого скрывалась под залежами чертежей, пометок и длиннющих таблиц, свисающих с краёв скрученными языками. Было несколько полочек, заваленных всякого рода де-

талями, о предназначении которых детектив мог лишь догадываться. Втиснутые между ними книжные шкафы пестрели разноцветными обложками, брошюрками, справочниками, журналами и прочей литературой специализированного назначения. Даже на шторах были развешаны какие-то графики и нечёткие картинки с рукописными пояснениями. На стенах висели благодарственные письма в пыльных рамках и одна газетная вырезка. А в целом кабинет Скуратовича производил ровно такое впечатление, на какое и рассчитывал Генрик, – примерно так он и представлял себе научную лабораторию.

– Вы можете положить пальто вот сюда. – Занимавший много места профессор указал на стул. – Сами присаживайтесь с этой стороны, а я займу своё кресло.

Книжные шкафы и полки с деталями затрудняли его перемещения в пределах маленькой комнатушки, но Генрик отметил своеобразную грацию старика, с которой тот ловко лавировал среди мебели, практически её не касаясь. Он добрался до своего кресла и принялся переключать бумаги на так, чтобы между ними на столе образовалось свободное пространство. Пока старик занимался этими манипуляциями, Генрик быстро скинул пальто, предварительно достав из внутреннего кармана конверт с фотографиями и небольшой баночкой. Несмотря на отключенное отопление, в кабинете профессора было душно, Эрза с большим удовольствием освободился бы и от тёплого свитера, но счёл это действие

излишним. Придётся потерпеть.

Он опустился на указанный стул, напротив него профессор, возвышающийся над столешницей, прекратил возиться с бумажками, и теперь его лицо выражало терпеливое ожидание. Приколотый к его рубашке значок скрывала складка халата.

– Так о чём вы хотели пообщаться со мной, детектив Генрик? – Хозяин кабинета первым нарушил молчание и сразу перешёл к главному. Он всегда считал прямолинейность одним из условий успешности.

– Меня привели к вам обстоятельства одного странного дела, и я очень надеюсь получить от вас кое-какие ответы. Эти сведения окажутся весьма полезными в моей работе. – Детектив не торопился, для начала ему требовалось прощупать этого старого человека, чтобы подобрать правильную стратегию их беседы.

Уход от прямого ответа не понравился Скуратовичу, но тот постарался не выказывать этого:

– Дела? Детектив, это дело связано с криминалом? Извините, но больше мне ничего не приходит в голову.

– Для начала я покажу вам фотографию одного человека. – Генрик собирался заходить издалека, профессора необходимо было познакомить с сущностью расследуемого дела, а уже потом погрузить в детали и предоставить некоторые улики. – Что вы можете сказать про него?

С этими словами он достал один снимок из конверта и по-

ложил на стол так, чтобы Скуратович имел возможность его разглядеть. На фотографии был запечатлён пузатый мужчина с бородатым лицом и обозначившимися залысинами на голове. Он был одет в майку и держал за руль велосипед.

– Вам знаком этот человек? – Вкрадчиво поинтересовался Генрик, не сводя глаз с лица профессора.

Тот смотрел на снимок всего пару секунд и выдал ответ, на который и рассчитывал детектив.

– Да, я его знаю. Энтони, Антоний как-то так его звали, а фамилия похожа на обувь. Он работал программистом на нашем предприятии и недавно уволился. С ним был связан какой-то скандал, он что-то не поделил с бухгалтерией, по-моему, он запросил баснословную зарплату, и ему вполне ожидаемо ответили отказом. – Профессор облокотился на спинку скрипнувшего кресла и стал постукивать большими пальцами, припоминая таким образом дополнительные подробности. – Я никогда не имел с ним общих дел, наши проекты никак не пересекались, да и виделись мы только в туалете да на кухне. Наверное, более ничего не смогу про него рассказать. Так, с ним что-то случилось?

Эрза весьма хорошо представлял, что именно с ним случилось, и от нахлынувших впечатлений у него скрутило живот.

– Это фотография Антуана Сапожина. Его тело было обнаружено вчера утром...

– Его убили? – Перебил Генрика профессор, с него будто

сдуло всю меланхолию, он весь подался вперёд, выказывая запредельный интерес. Весьма необычная реакция на смерть человека, что же скрывается за ней: любопытство или что-то более изощрённое.

– Я не могу этого утверждать. – Детектив до сих пор пребывал в неведении относительно причин печальной кончины Антуана. – Но у меня есть веские причины предполагать, что его судьба связана с научно-производственным отделом. – Генрик указал пальцем на вымпел, висящий на мониторе профессора, на котором было выведено стилизованное изображение человека с поднятыми руками. – Поэтому я пришёл сюда.

Профессор выглядел сосредоточенным, словно в это самое мгновение пытался в уме найти решение задачи. В этом они были похожи с Генриком, в голове которого происходило примерно тоже самое. Вопрос был в том, над одной ли задачей они размышляют и смогут ли они совместными усилиями заполнить недостающие пробелы.

– И какие причины указывают на это?

– Первая, не очень явная, её можно было бы счесть обычным совпадением, но заключается она в том, что последним местом работы Сапожина был именно научно-производственный отдел. Вы и сами отметили это и упомянули некий скандал. Логично предположить, что у него имелись негативные эмоции, связанные с этим местом. Да, я понимаю, что звучит это притянуто за уши, но эта кажущаяся мелочь

приобретает большое значение в свете одной улики, обнаруженной возле тела. – Рука детектива уже доставала из конверта вторую фотографию.

На этот раз профессору потребовалось всего одно мгновение, изображённая на снимке вещь была ему знакома, и глупо было это отрицать, потому, как перед входом в кабинет профессора, Генрик заметил стоящие за прозрачной перегородкой холодильника ёмкости – копии той, что была приведена на фотографии. «Банка» была сфотографирована таким образом, чтобы в камеру попала эмблема отдела и посаженная на скотч записка с порядковым номером. Детектив не сомневался, что почерк принадлежит самому профессору либо одному из его возрастных коллег.

– Я видел эти ёмкости в соседней комнате. Видел, что одной не хватает, и знаю, где она находилась в течение последних суток. Это уже больше, чем простое совпадение, это полное доказательство причастности вашей лаборатории к смерти Антуана Сапожина, и я здесь для того, чтобы расследовать её. – Генрик почувствовал, что забирает контроль над ситуацией к себе. Новость о причастности его лаборатории к преступлению сильно задела профессора, он на глазах как-то сжался, лицо приобрело ещё более угрюмый оттенок, а ссутуленные плечи поникли.

Скуратович всё разглядывал фотографию. Снимок погибшего человека не вызвал в нём столько эмоций, как изображение прозрачной «банки».

– Я собираюсь раскрыть вам некоторые обстоятельства смерти Сапожина. – Продолжил наседать Генрик, воодушевлённый первичным успехом. – Я надеюсь получить от вас ответы и рассчитываю на искренность с вашей стороны. Делу ещё не дали широкую огласку, и мне совершенно не хочется до этого доводить. Репортёры и бульварные писаки раздуют из этого жуткую историю, они и до сюда доберутся, будут стоять у вас под окнами и караулить. Чем скорее это дело отправится в архив, тем спокойнее будет моя жизнь. Я раскрою свои карты, вы свои, ведь у каждого из нас имеются секреты, не так ли, профессор? Это будет сделка на честном слове.

Скуратович согласно кивнул и совсем раскис в своём кресле, однако в глазах его стояло желание довести дело до конца. В этом отношении детектив прекрасно понимал его.

– Итак, – Генрик приступил к повествованию, – вчера утром из квартиры Сапожина стали доноситься крики. Соседи уверяют, что кричал он от боли, хотя, по нашим сведениям, в тот момент в квартире никого кроме него не находилось. Через некоторое время к нему домой проникли некие неустановленные личности. Им пришлось взламывать замки, чтобы попасть внутрь, ибо Антуан не имел возможности открыть дверь. Эти неизвестные пробыли в квартире совсем недолго и успели скрыться до появления полиции. Их абсолютно не интересовала судьба Сапожина, предполагаю, что к нему они явились, чтобы забрать какой-то предмет. На это указывает ряд обстоятельств: во-первых, жертва бы-

ла полностью одета, а будильник на его телефоне был установлен на половину восьмого утра, весьма странное время для воскресного подъёма, особенно учитывая, что все прочие будильники у него поставлены на одиннадцать часов. Он явно не был жаворонком, а должен был проснуться в такую рань и одеться по той причине, что у него была назначена встреча. Во-вторых, на его кухне был обнаружен перевёрнутый переносной холодильник, пустой, если не считать морозильных элементов и растаявшего льда. Крышка от него лежала на столе, указывая на то, что он спокойно раскрыл холодильник, а в дальнейшем был вынужден отпинуть его от себя. Само тело изувечено самым мерзким способом, оно покрыто химическими ожогами, в некоторых местах сквозными. А ещё повсеместно вокруг тела разбросано вот это. – Генрик вытащил из конверта маленькую баночку, на дне которой лежала металлическая стружка, и поставил её рядом с двумя выложенными фотографиями. – У меня в конверте есть ещё один снимок, могу показать вам, как выглядят раны Сапожина...

– Не нужно! – Побледневший профессор резко оборвал монолог детектива. – Не нужно! Я... я имею представление о том, что там увижу.

Немало удивлённый последней фразой Скуратовича Генрик не стал извлекать из конверта страшную фотографию, вместо этого он задал простой вопрос:

– Вам стало что-нибудь понятно из моего рассказа? Вы

можете мне объяснить или как-то дополнить события вчерашнего утра?

Эрза сделал выжидательную паузу, предоставляя старику возможность хорошенько подумать. Его пальцы барабанили по столешнице, а глаза то и дело метались между фотографией ёмкости и лежащей в банке стружкой.

– Боюсь, что могу. – Наконец произнёс он. – Всё это так фантастично и невероятно, но дайте мне возможность справиться с мыслями.

Заинтригованный детектив предоставил профессору возможность обдумать ответ, а сам деликатно отвёл взгляд и стал рассматривать рамки благодарственных писем. Генрик заметил висящий чуть в стороне рисунок улитки, выполненный ребёнком или же взрослым человеком, не обладающим изобразительным талантом. Повешенная на видном месте зарисовка не вписывалась в атмосферу кабинета, она выглядела чужеродной на фоне чертежей и ровных графиков.

– Наверное, пришёл мой черёд поделиться с вами одной историей. – Заговорил Скуратович после длительного молчания. – Она будет длиннее вашей, но я вынужден начать её издавдала, чтобы не потерять нить рассуждений и логических цепочек, ведущих к нашему разговору. Шесть месяцев назад вернулся корабль, побывавший на одном из спутников Марса.

– Вы имеете в виду полёт миссии «Аргонавты»? – Уточнил Генрик, вспоминая подробности, услышанные в ново-

стях.

– Именно этот полёт я и имею в виду. – Подтвердил Скуратович. – Он имеет прямое отношение к смерти Сапожина.

Детективу осталось лишь задаваться немymi вопросами и строить предположения о том, каким образом полёт марсианской миссии полугодичной давности может быть связан с делом Антуана. Профессор тем временем продолжал:

– Скорее всего, вам, как и остальному человечеству, не известен тот факт, что их возвращение могло окончиться большой катастрофой? Лишь чудом удалось избежать трагедии тем днём, а виной разгерметизации могли стать неизвестные нам организмы, замеченные в самый последний момент одним из членов экипажа. Под влиянием случая он утаил свою находку даже от командира корабля и тайком вынес её с территории космодрома, ему не захотелось делиться ею с кем-либо. Кроме меня.

– То есть вы утверждаете, что со спутника Марса был вывезен новый организм, о существовании которого никто не знает, и он оказался у вас в руках? – Детектив даже не пытался скрыть своё сомнение, рассказ старика в самом деле начинал приобретать фантастические обороты. – И как такое могло произойти? Почему именно вам?

– Потому что он мой внук. – Спокойно ответил профессор, глядя на озадаченного Генрика. – Тот космонавт, что предотвратил трагедию, это мой внук Максимилиан Скуратович. Он передал мне организмы и показал их свойства, ко-

которые произвели на меня глубочайшее впечатление.

«Вот почему его фамилия показалась мне знакомой! – Слишком поздно сообразил Эрза. – Ну конечно! Его внук один из героев последнего времени! Его фамилия постоянно на слуху».

– Вы хотите сказать, что в вашей лаборатории содержатся организмы, привезённые со спутника? – Вопрос вселял в детектива беспокойство. Рамки привычного мира заметно пошатнулись. – И что за свойства они продемонстрировали?

Профессор счёл необходимым полностью проигнорировать первый вопрос, сосредоточившись исключительно на втором.

– Поразительные свойства! Не имеющие аналогов в земной природе! Их способности позволят усовершенствовать наши технологии. Мой внук стал основоположником новой главы механической обработки материалов, я проверяю его идеи на практике и могу сказать, что добиваюсь определённых успехов! – Его восторженная речь не находила отклика в сердце детектива. Эрза сидел и абсолютно ничего не понимал в происходящем, он чувствовал себя глупейшим человеком на планете. Благо профессор вовремя заметил его недоумение и счёл нужным уточнить. – Скажите, детектив, вам что-нибудь известно об обработке материалов?

– Нет. – Вынужден был признать Генрик. – Эта наука очень далеко отстоит от моей специальности.

– В таком случае я разбавлю свой рассказ небольшой лек-

цией, не зря я тридцать лет отработал в Университете, а вам это поможет ещё лучше понять описываемые мной процессы. – Видимо профессор, наконец, нащупал под собой твёрдую почву и крепко упирался в неё ногами. Чего нельзя было сказать о Генрике, ему оставалось только слушать и надеяться понять хоть малую часть из речи профессора. – Интересовать нас будет точение, и сейчас я кратко поясню его основные понятия. – Скуратович взял первую попавшуюся ему под руку деталь с ближайшей полки, ей оказался вытянутый ступенчатый вал. – Заготовка закрепляется в станке и ей придаётся вращение, – он прокрутил деталь вокруг её оси, сопровождая слова наглядным примером, – а перпендикулярно её оси устанавливается резец, задача которого съём материала. Теперь представьте, что заготовка очень быстро крутится, а параллельно её оси движется резец, постепенно вгрызаясь в тело заготовки. Взаимодействие вращательного и поступательного движения приводит к равномерному снятию материала по всей длине заготовки, в таком случае вращение называют главным движением, а перемещение резца – движением подачи, всё определяет скорость, где больше, то и главнее. Очевидно, что таким образом можно изготавливать исключительно цилиндрические или конические детали, обобщаемые термином «тела вращения».

Профессор ещё раз медленно прокрутил вал, а пальцем второй руки прошёлся по его образующей, намечая траекторию воображаемого резца.

– Вам всё понятно, детектив? – Уточнил он, не отрывая взгляда от своего единственного слушателя.

– Более или менее... – Уклончиво ответил Эрза, чувствуя, как духота в кабинете Скуратовича нарастает, но он не мог себе позволить отвлекаться. Какую бы невероятную гипотезу не собирался высказать профессор, детектив хотел выслушать его до конца.

– Соответственно, подбирая правильные скорости, регулируя частоту вращения и глубину врезания, и обрабатывают большинство материалов. Посмотрите на балясины лестничных пролётов, обратите внимание на некоторые виды резьбы – всё это следствия токарной обработки. – Профессор прервал пламенную лекцию протяжным вздохом. – Но всё было бы слишком хорошо, если бы не имело определённых трудностей. Я думаю, вам приходилось слышать словосочетания «твёрдые сплавы» или «тугоплавкие материалы», зачастую они используются в тех узлах, где нагрузки могут достигать экстремальных значений. Такие сплавы на порядок прочнее обычных, они дольше сопротивляются износу, выдерживают огромные температурные перепады, их труднее разрушить, но и по закону вселенского равновесия куда сложнее обрабатывать. Как, по-вашему, следуют точить деталь, твёрдость которой превосходит инструмент? Резец просто сломается об заготовку, но и это лишь вершина проблемного айсберга, с которым предстоит столкнуться в ходе работы. Режущий инструмент снимает верхний слой ма-

териала, но при этом из-за деформаций сдавливает, а соответственно, и упрочняет нижний. Деталь как будто бы сопротивляется нашим действиям извне. Низкая теплопроводность твёрдых сплавов приводит к сильному нагреву, в результате которого резец схватывается с деталью, они прилипают друг к другу, что негативно сказывается на обоих.

Поняв, что от него ожидают какой-нибудь реакции, Эрза кивнул. Далеко не всё из речи профессора было ему ясно, но подробные вопросы могли только увеличить количество заумных ответов и ещё на некоторое время отдалить его от конечной точки повествования.

– Простите, но я ещё не понимаю, как это может быть связано... – Генрику не дали договорить. Скуратович глянул на него поверх ступенчатого вала, до сих пор сжимаемого в руке.

– Я предупредил, что моя история получится длиннее вашей, и сократить её у меня не получится. Нам обоим предстоит запастись терпением. Это исключительно в наших интересах. – После этого небольшого отклонения, он продолжил лекцию. – Некоторые проблемы удаётся устранить путём травления, грубо говоря, выжигания поверхности материала при помощи химически активных веществ. Например кислот. Эти вещества разъедают деталь, растворяя её слой за слоем, именно это и должно было произойти с обшивкой корабля «Аргонавт», если бы мой внук не вмешался.

Детективу вспомнился устойчивый химический запах,

стоявший в квартире Антуана, для него словно откинулся неведомый полог, за которым находилась едва заметная тропа к понимаю.

– Вы намекаете на то, что существа из космоса выделяют кислоту? – В глазах профессора не было ни грамма смеха, но от этого Эрза не чувствовал себя более уверенно.

– А что вас, собственно, удивляет? – Скуратович принял-ся катать вал по столешнице, сминая попадавшие бумажки. – Среди представителей земной фауны это не такая уж и редкая способность: муравьи и термиты, гусеницы, птица фульмар и много ещё кто, они используют кислоту в качестве средства защиты. Почему бы и иным организмам не прибегать к такому? Привезённые мне организмы, между собой мы называем их мантикорами, в периоды активности выделяют едкую кислоту, достаточную для обработки твёрдых сплавов. Вы только представьте: мы имеем возможность уйти от резцов из быстрорежущей стали, в них не будет более потребности, если приучить к этому делу мантикор. Это колоссальная статья экономии, это сокращение времени производства, это практическое отсутствие отработанного материала. В этих маленьких организмах заключена новейшая технология.

Воодушевлённый Скуратович ударил кулаком по столу, но едва кто-либо из них заметил это. Он находился на пике научного энтузиазма, его глаза наполнились перспективами, а сидящий напротив детектив пытался уложить в голове весь

тот объём информации, который за считанные минуты вывалили на его мозг.

– И как в таком случае происходит... процесс обработки? – Робко поинтересовался Эрза.

Казалось, начальник лаборатории только и ждал этого вопроса.

– О, это весьма изящное решение! К большому сожалению, я не являюсь биологом, но в вопросах поведения и дрессировки мантикор я всецело полагался на моего коллегу. Ему пришлось изучать их и ставить серию рискованных экспериментов, его труды ещё не закончены, но полученных сведений вполне хватило для того, чтобы создать конструкцию, позволяющую мантикорам обрабатывать детали. Неофициально мы называем её УИИ – устройство инфракрасного излучения – и в ней сочетаются качества токарного станка и операции травления. В этом случае деталь жёстко фиксируется в держателе, а роль резца исполняет мантикора, она ползает по поверхности заготовки, оставляя за собой едкий след, разъедающий материал.

– А как она понимает, в какую сторону ей нужно двигаться? Как возможно управлять организмом? – Целая лавина вопросов наводняла голову запутавшегося детектива, он не успевал за событиями, ему требовались пояснения. – И причём здесь красное излучение?

– Инфракрасное излучение, – поправил его профессор, – оно находится вне спектра зрения человека, но мы чувству-

ем его, как тепло. Инфракрасные лампы используются в ресторанах, они не дают еде остынуть. И здесь принцип тот же самый – мантикоры очень восприимчивы к теплу, они всегда тянутся к нему. УИИ представляет собой кронштейн-излучатель, вращающий вокруг детали, за тепловым лучом следует мантикора, получается что-то вроде токарной обработки только наоборот, здесь уже резец обладает главным движением! Кронштейн перемещается по координатам, заложенным в программе, ведёт за собой мантикору, мы можем задавать различные конфигурации и получать недостижимые ранее результаты!

– Но если это такая сильная кислота, почему тогда она не прожигает банки? – Детектив чуть привстал со стула и ткнул пальцем в принесённую им фотографию ёмкости.

Глаза профессора ехидно блеснули.

– Вы невнимательно меня слушали, детектив. Я сказал, что мантикоры чувствительны к теплу, именно поэтому мы и храним их в холодильнике. При нулевых и отрицательных температурах они впадают в анабиоз, как обычные лягушки. В таком состоянии все процессы внутри них замедляются, и не происходит выделения кислоты. Это крайне сложная задачка, активировать их таким образом, чтобы производство кислоты завершилось одновременно с обработкой детали, иначе у нас просто не получится пересадить их обратно в морозильные сосуды. Тут ещё слишком много непонятного, потребуется большое количество точных расчётов, пока

мы располагаем только примерными зависимостями, и иногда это может приводить к производственным казусам... – Скуратович выставил вперёд ладонь левой руки, и Генрик разглядел кусок оплавленной кожи. Это было не сравнимо с травмами, полученными Антуаном, но единство их происхождения не вызывало сомнений.

За последние сутки Генрик достаточно насмотрела на сожжённую плоть, его тянуло поскорее отвести глаза, а на языке уже вертелся следующий вопрос:

– Вы уже дважды упомянули активный период. Боясь, я не в состоянии понять, что вы под ним подразумеваете. – Детективу казалось, что он потеет не столько от духоты профессорского кабинета, сколько от умственного напряжения.

– А вот это обстоятельство было подмечено моим внуком. – Скуратович гордо приосанился и стрельнул глазами на газетную вырезку, изображавшую молодого человека в скафандре. – Как и прочим организмам, мантикорам надобно питаться, но не совсем обычным образом. На «Аргонате» они использовали винтики и прочую железную мелочёвку, мы путём последовательных приближений сошлись на стружке. Производство оставляет после себя огромное количество отходов, в том числе и стружки. Конечно, её можно прессовать и пускать на переплавку, но от этого страдает качество, а здесь мы имеем возможность оставшуюся стружку скармливать мантикорам, а они её перерабатывают в свою кислоту. Они потребляют металл, чтобы уничтожить металл.

– То есть Антуан пытался покормить мантикору? – Эрза не думал, что всё же способен удивляться, но профессор вынуждал его заходить всё дальше и дальше в дебри поразительного.

– Этим? – Внезапно профессор хохотнул, и звук этот прозвучал совершенно неуместно. – Возможно, он тайком слышал какие-нибудь наши разговоры, и вполне точно он ни черта не понимал в них, иначе не рискнул бы кормить этим мантикору. – Профессор презрительно щёлкнул ногтём по баночке.

Генрик посчитал себя обязанным спросить:

– А почему?

– Да потому что мы используем сливную стружку, – Скуратович поднял баночку и поднёс поближе к лицу детектива, – а это элементная! Присмотритесь внимательнее, и вы заметите, что металлический виток состоит как бы из отдельных лоскутов, частичек. Это происходит при одновременном увеличении толщины среза и уменьшении скорости резания. Здесь совершенно иная стружка...

Естественно, детектив не видел никакой разницы. Он подозревал, что стружка может оказаться веской уликой, что она обязана иметь отношение к смерти Сапожина, и последнее заявление профессора в должной мере объясняло её принадлежность к делу, но шло вразрез со всеми представлениями Генрика. Вчера он жаждал найти ответы на вопросы, сегодня – получил желаемое и не знал, как его интерпре-

тировать. Создавалось впечатление, что получившаяся разгадка намного страннее исходной загадки.

Эрза беспомощно сполз по стулу, не обращая внимания на задравшийся свитер. На глаза ему попался детский рисунок улитки, заигравший новыми красками и заставивший задуматься над тем, а точно ли улитку собирался изобразить автор.

Профессор прокашлялся:

– А теперь, когда я посвящён в подробности вашей истории, а вы немного ознакомились с предметом моих исследований, я могу попытаться примерно описать то, как развивались события последних двух дней. – Скуратович потирал ладони и хмурил брови, отчего морщины пробежали по его старому лицу. – Однозначно Сапожин ночью с субботы на воскресенье проник на территорию отдела, уж не знаю, какими средствами он для этого воспользовался. Мне представляется, что он имел вполне конкретную цель – вынести отсюда один из образцов проекта «Мантикора», об этом свидетельствует наличие в его квартире переносного холодильника и лужа воды, обнаруженная мною сегодня утром. Известно ему было и про стружку, раз он успел ею запастись. Он пробрался в лабораторию, взял один из сосудов, спрятал в сумке и вынес. Утром он ожидал гостей, которые должны были забрать у него образец, но, видимо, любопытство пересилило, поэтому он извлёк мантикору и принялся кормить её стружкой, абсолютно не представляя, к каким по-

следствия может привести это действие. Он активировал её, держа в руках, и она моментально стала выделять кислоту, любой бы в таком случае стал биться в истерике и разбрасывать вокруг себя вещи. Не стоит забывать, что человек сам по себе выделяет достаточное количество тепла, мантикора отреагировала на него как привыкла – потянулась к нему. – Профессор снова поднял ладонь левой руки, демонстрируя ожог. – Я вполне отчётливо представляю воздействие кислоты на организм, поэтому отказался от просмотра вашей последней фотографии, мне не хотелось видеть, во что превратился этот человек. Вряд ли его можно было спасти, даже если бы те, кто вломились в квартиру, оказали бы ему первую помощь, но их интересовало другое. Они забрали образец, ведь не могли допустить того, чтобы он достался кому-то иному. Очевидно, и весьма прискорбно, но они явно имели представление о мантикорах, раз им удалось вынести образец. Они быстро смотались оттуда, чтобы не попасть под подозрение. Ни о каком убийстве речи идти не может, перед нами парадоксальный и не имеющий аналогов случай непредумышленного самоубийства.

Наконец-то всё заняло свои места, причудливые в деталях, фантастичные в подробностях, но твёрдо вписывающиеся в безумную логику. Детектив смотрел на старого профессора, выполнившего его работу, и всё же должен был задать ещё несколько вопросов.

– Хорошо. Пусть так, но почему вы в таком случае не за-

явили о краже? Тем более, если на кону стояло такое большое открытие?

Скуратович грустно усмехнулся:

– Всё дело в международном гранте, понимаете? – Он выжидательно посмотрел на детектива и после небольшой паузы продолжил. – Через несколько месяцев состоится технологическая конференция, на которой будут представлены все самые последние достижения в области техники. Несомненно, изобретённый нами метод обработки твёрдых сплавов должен был на ней выстрелить, а до той поры я планировал всё держать в секрете, чтобы не привлекать лишнего внимания и избежать шумихи. Презентация мантикор должна была произойти с размахом и в присутствии самых уважаемых научных светил. Я должен был зарекомендовать себя, произвести неизгладимое впечатление, удивить публику. Понимаете? Это дало бы нашей лаборатории грант, и возможность с его помощью и поддержкой научной элиты продолжить исследования.

Детектив не ожидал такого прямодушного и по сути своей детского ответа. Он вскочил на ноги и упёрся руками в столешницу, всем своим существом пытаясь понять позицию старика, но чувствуя в себе ровно противоположные настроения.

– Вы прятали в своей лаборатории космические организмы, проводили с ними опыты, потеряли один образец, фактически стали причиной гибели человека и всё это для то-

го, чтобы получить грант? – Эрза боролся с внутренним противоречием, в его глазах профессор из мудрого учёного превращался в безумного изобретателя, осенённого опасной идеей. Стремление к совершенству оборачивалось маниакальной решительностью и алчным желанием добиться признания. – Разве у вас нет финансирования? Неужели Университет не поддерживает вас в материальном отношении?

На этот раз улыбка профессора стала не только снисходительной, но и отталкивающей, затронутая детективом тема была очень болезненным для Скуратовича местом.

– Финансирование? – Он позволил себе хохотнуть. – Вам ли не знать, что оно из себя представляет. Финансирование – это круги на воде, чем дальше от брошенного камня, тем меньше возмущение волн! Чем выше люди в иерархии, тем меньше знаний в их головах, но зато шире карман, это туда на верхние уровни приходит *финансирование*, а до нас добирается лишь его эхо! Практически все расходы по УИИ я принимал на свой карман! Думаете я не просил? Не писал заявления? Я устал от бумажных подношений, я хочу заниматься наукой, а не собиранием правильных наборов печатей и подписей! Это место задумывалось, как инкубатор прогресса, а всё увязло в бюрократической грязи! Мне нужен этот грант, я не позволю своему изобретению не состояться по вине каких-нибудь идиотов из администрации! Эти люди просто не могут понять меня, для них я просто старик с профессорским званием, которому давно пора на пенсию.

Распалённый Скуратович тоже покинул своё кресло, так они и стояли по обе стороны от стола, не понимающие друг друга и разделённые баррикадой взглядов и устремлений.

Эрза услышал достаточно, он пока не представлял, что напишет в отчёте, какие слова скажет своим руководителям, как объяснит смерть Сапожина? Детектив терялся в догадках о дальнейшем развитии событий.

Впервые со времени их встречи халат профессора открыл нагрудный карман рубашки и явил взору детектива приколотый на булавку значок. Эрза не удивился, заметив на нём улитку, сидящую поверх летящей ракеты. Из сопла двигателя вылетала струя газа и образовывала слово «ПРОГРЕСС». Очевидно, в этом заведении люди испытывали определённый интерес по отношению к улиткам.

Ощущая начинающуюся головную боль, детектив стал молча собирать принесённые фотографии и баночку с элементной стружкой. Он засовывал их в конверт и мечтал о том моменте, когда сможет выйти на прохладную улицу.

– Я не могу вас просить, но вынужден напомнить о ваших же словах, произнесённых в самом начале нашего разговора. – Профессор успел немного успокоиться, из его голоса исчез былой напор. – Сделка на честном слове, чтобы скорее отправить дело в архив. Я не планирую распространяться о смерти Сапожина.

Генрик неопределённо кивнул и забрал своё пальто. Конкретно ему ещё придётся заняться смертью Антуана и пред-

ставляться она будет не самым приятным делом. На периферии сознания детектива проскочила подлая мыслишка: интересно, в данный момент профессор больше переживает из-за того, что его могут обвинить в причастности к смерти, или из-за того, что его драгоценные исследования могут стать достоянием общественности раньше назначенного срока?

Возле двери Генрик остановился и обернулся. Скуратович стоял всё в той же настороженной позе возле своего кресла, Эрза хорошо видел приколотый к груди значок.

– Улитка – странный символ прогресса. Не находите? – Напоследок спросил он, прежде чем выйти из кабинета.

– Самый правдоподобный. – Проговорил профессор удаляющейся спине детектива.

Влиятельный человек

Человек с усталым лицом и седеющими волосами ворвался в здание городской больницы, он чуть не врезался в проезжавшую мимо инвалидную коляску, но едва заметил её. Это был Эрза Генрик, жизнь которого успела совершить неприятный оборот. Широкими шагами, почти бегом он приблизился к стойке регистрации, за которой работала медсестра в белой униформе. Он назвал себя, и в её глазах промелькнуло сочувствие и настоящая печаль.

– Она в пятой палате шестого этажа. – Ответила она ему, даже не заглядывая в списки пациентов. Женщина поступила к ним совсем недавно.

Эрза двинулся в сторону лифта – его ноги слишком дрожали, чтобы он мог воспользоваться лестницей. Кабинка лифта медленно везла его на верх, и ему одновременно хотелось и ускорить её, и замедлить. Он боялся остановки на шестом этаже. Всего пять часов назад он вышел из кабинета профессора, в тот момент ему казалось, что его жизнь наполнилась трудностями, каким же глупцом он тогда был, ведь потребовался всего лишь крохотный кусочек времени, чтобы он изменил своё мнение по этому вопросу. Новые организмы, совершенные технологии, химические ожоги – всё это ушло из его головы, когда зазвонил телефон, и голос на другом конце сообщил, что его жена попала в аварию.

Если бы он не был раздавлен случившимся, если бы не позволил апатии навалиться на его плечи, то ещё у стойки регистрации сумел бы сообразить, что шестой этаж в больнице отводился богатым пациентам, но эта мысль придёт к нему позже.

Лифт остановился, замер в ожидании и потом с пугающей медлительностью начал раскрывать свои створки. Генрик не стал дожидаться их полного раскрытия, нетерпение и сильнейшее переживание толкало его вперёд, он выскочил из кабины в расширяющуюся щель.

Шестой этаж блестел в спокойном свете приглушённых ламп. Всё говорило о чистоте и стерильности, но они несколько не занимали Генрика. Бронзовая табличка указывала, что пятая палата находится в левом коридоре, туда и поспешил детектив. В небольшом фойе сидел всего один человек, чисто механически Эрза отметил его присутствие, но ни коим образом на него не отреагировал, только об одном он думал с тех пор, как ему поступил звонок из больницы.

Дверь в палату номер пять была чуть приоткрыта и с замиранием сердца Эрза протиснулся в неё, стараясь не издавать лишних звуков. Она лежала на кровати и мирно спала, голова и выглядывающие из-под одеяла руки были опутаны бинтами, сколько их было по всему телу, ему оставалось только догадываться. Но по крайней мере не было крови, и окружавшие её приборы не подавали признаков беспокойства. Перемигивание маленьких огоньков навевало дре-

моту и обнадёживало. По крайней мере она жива, по крайней мере с ней всё будет в порядке. Ему хотелось в это верить, пусть даже он не знал ничего наверняка.

Он смотрел на её выбившийся из-под бинтов светлый локон, когда внезапно раздался тихий стук в дверь. Эрза вздрогнул.

– Здравствуйте, детектив Генрик. – Прозвучало у него за спиной приветствие.

Он обернулся, ожидая увидеть перед собой врача, но в дверях стоял тот самый человек, сидевший в фойе. Он несколько не походил на доктора и вид имел сугубо деловой: строгий костюм, узкий галстук, на одном пальце перстень с крупным камнем. Что он здесь забыл и зачем вошёл внутрь палаты, где в бинтах лежала жена Генрика? Последнее обстоятельство сильно разозлило детектива, но он был слишком подавленным, чтобы проявлять агрессию. И он не обратил никакого внимания на то, что этому человеку известно, кто он такой.

– Оставьте меня, сейчас не подходящее время для общения. Вряд ли я смогу вам чем-то помочь.

Он отвернулся от мужчины, собирался подойти поближе к жене и взять её за руку, но назойливое присутствие незнакомца нарушало атмосферу внутри палаты. Тот и не думал никуда уходить, он стоял и наблюдал за Генриком и его лежащей женой. В голове детектива расцветала мигрень, он боролся с ней на протяжении всего дня, но сил терпеть не оста-

валось, так и его терпения. Он готов был взорваться и сорваться на непрошенного свидетеля его горя.

– Да кто вы такой? И что, чёрт побери, вам от меня нужно? – Он обернулся, и руки непроизвольно сжались в кулаки. – Зачем вы притащились в палату моей жены?

Узкие глаза человека в костюме холодно сверкнули, но его ни в коей мере не напугали слова детектива, наоборот мужчина воспринял его гнев, как своеобразное приглашение к беседе.

– Вы можете обращаться ко мне Монро. – Отчеканил мужчина, словно зачитывал задержанному его права. – А с вами хочет побеседовать очень влиятельный человек, интересы которого я представляю. Вам нет нужды беспокоиться о состоянии вашей жены, в данный момент она спит, и ничто не представляет угрозы для её жизни.

Слова пусть немного и успокоили Генрика (именно это ему и хотелось услышать), но отрешённость тона лишали их душевного наполнения. Монро говорил по заготовленному тексту, и речь его не проходила через сердце.

– Он ждёт вас в соседней палате. Разговор не займёт много времени, а потом вы сможете вернуться сюда. К вашей жене. – Монро отступал в сторону двери, вынуждая детектива следовать за ним.

Эрза в нерешительности застыл возле кровати с плачущими приборами, он посмотрел на жену, увидел, как ровно поднимается и опускается её грудь, и последовал за челове-

ком в дорогом костюме.

Тот ждал его в коридоре возле палаты с номером шесть.

– Пожалуйста, проходите. – Он вежливо отворил дверь, но сам не стал входить.

Шестая палата практически ничем не отличалась от пятой с той лишь разницей, что кровать в ней была пуста, зато возле неё стояла пара стульев, один из которых был занят. Генрик сразу узнал сидящего человека, его лицо смотрело на него с рекламных экранов, оно мелькало в новостях и постоянно светило в окружении не менее знатных представителей правящей элиты. В отсутствии софитов и грима Ламуэль Ларс выглядел не таким подтянутым, как в многочисленных телевизионных передачах, но тем не менее спутать его с кем-то другим представлялось невозможным.

– Присаживайтесь, детектив. – Учтиво вымолвил Отец Будущего, указывая на пустующий стул.

Эрза молчаливо повиновался, пытаясь хоть как-нибудь связать факт их встречи. О Ларсе ему приходилось многое слышать, нужно было быть полностью отсталым человеком, чтобы не иметь представления о персоне Ламуэля Ларса. Его называли Отцом Будущего, Королём Технологий, Производственным Гением и ещё целой чередой похожих прозвищ, которые с большим воодушевлением придумывались журналистами. Наверное, в современном мире не было такой отрасли, где бы не преуспел Ларс: ему принадлежали автомобильные концерны и заводы; под его знаком произ-

водилась бытовая техника и вычислительная аппаратура; он создавал спутники и занимался добычей полезных ископаемых; он был сведущ в экономике и руководил собственным банком... Говорили, что он строит будущее, и в этом утверждении содержалась немалая доля правды, Ларс приближал прогресс по всем фронтам, делал его общедоступным, каждый день совершенствовал и преображал мир.

Перед ним Генрик чувствовал себя совсем незначительным человечком, ему даже стало неловко из-за своего потного свитера и растрёпанных волос.

– Вас, верно, удивляет наша встреча. – Проговорил Ларс, пристально изучая детектива. – Но никаких поводов для переживания у вас не должно быть. Я просто хочу задать вам несколько вопросов и надеюсь получить на них ответы.

Эрза почувствовал головокружение, примерно такие же слова он сказал профессору несколько часов назад.

– Мне известно о том затруднительном положении, в которое вас поставила смерть одного программиста...

– Что? – Детектив не выдержал. Подробности смерти не выходили за пределы очень узкого круга лиц, детали замалчивались, он и не думал, что возможна утечка. – Откуда?

Ламуэль Ларс жестом фокусника развёл ладони в стороны.

– Трудно строить будущее, если не владеешь информацией. – Уклончиво ответил Ларс, ничуть не смущённый выходкой Генрика. – Так вот, я могу представить степень вашего

затруднения, наверное, трудно будет дать его смерти правдоподобное объяснение, с этим возникнут проблемы. И к тому же ваша жена оказалась в больнице, примите по этому поводу мои самые благие пожелания. И скорее всего вам захочется проводить время здесь с ней, а не за написанием отчёта. Знаете, ведь я могу вам посодействовать, буквально один звонок и дело программиста отправится в архив, и никто о нём больше никогда не спросит. Да и вашей жене потребуются специализированный уход...

Генрику не нравилось течение их разговора, за ширмой заботы скрывались совершенно иные мотивы, детектив чувствовал подвох, но пока не мог облечь его в ясные формы.

– Я не понимаю, куда вы клоните. – Произнёс он, стараясь не дать просочиться копящемуся внутри напряжению.

– Мне не составит труда пояснить это для вас. – Ларс закинул ногу на ногу и обхватил колено длинными пальцами. – Мы находимся с вами в городской больнице, и прошу, присмотритесь внимательно к тому, что нас окружает, – он качнул головой в сторону выключенной аппаратуры, – вся эта техника производства «МедЛабс», которая является дочерней компанией «ЛарсЭлектрик». Весь шестой этаж оснащён этими приборами, и, по сути, это мои детища. В них заключена жизнь для многих пациентов, они дают надежду тогда, когда другие не в силах её обеспечивать. Это самые совершенные технологии, они стоят на страже человеческих жизней, и мои люди несут ответственность за их работоспособ-

ность. – Ларс ударил костяшками по корпусу ближайшего устройства. – Начинка всего этого создаётся на моих заводах, и ею занимаются только лучшие специалисты. Такой же подход я применяю и для медицинского персонала. Вам следует знать, что ваша жена подключена к точно такому же аппарату и за ней ухаживают медики наивысшей квалификации. Не случись мне оказаться в больнице, когда её сюда привезли, она бы сейчас не лежала в палате на шестом этаже. Видите ли верхний этаж больницы считается привилегированным, сюда нельзя попасть просто так.

«Какое счастливое совпадение» – подумал Генрик о словах Ларса, но в следующее мгновение его передёрнуло, словно кто-то сорвал с его глаз шторы, и ему представилась цельная картинка, ему увиделись события в их истинном свете и в них просматривались только жадность, хладнокровие и расчёт... Кража образца, смерть Антуана, разговор с профессором, авария, приезд в больницу... Всё это было лишь игрой, декорациями западни, в которой он оказался. С чего такой влиятельный человек оказался в больнице именно в тот момент, когда в неё поступила его жена? С чего он проявил такое милосердие, устроив её в палате на шестом этаже?

Это был спектакль от начала и до конца срежиссированный Отцом Будущего.

Генрика переполняло негодование, его голову стискивала мигрень, в соседней палате лежала жена, а прямо перед

ним сидел самый грязный и отвратительный человек, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Усталость, отчаяние и боль окончательно подкосили его, Эрза больше не контролировал собственное тело, и на его лице Ламуэль отчётливо прочитал невысказанные мысли.

– Вижу, вы кое-что поняли. И это хорошо, но всё же я повторю некоторые моменты: ваша жена жива за счёт моих аппаратов и медиков, вам не по силам будет оплатить её пребывание в привилегированной палате, а в других не установлено такой надёжной аппаратуры. К тому же дело программиста будет очень непросто сдать в архив. – Ламуэль подался вперёд и заглянул в усталые глаза детектива. – Но я могу проявить заботу. Мне не жалко оплатить лечение и не составит труда избавить вас от того странного дела.

– Что вы от меня хотите? – С самого начала его пытались купить, и вот наконец они добрались до главного вопроса.

– Сущий пустяк. – Ответствовал Ларс. – Просто расскажите мне о вашей беседе с профессором, и каждый получит желаемое.

Второй раз за день судьба сталкивала Генрика с настоящим фанатиком: первый всеми силами скрывал присутствие внеземной органики и утешал себя будущей пользой, которую сможет приносить миру; второй зашёл намного дальше, организовал кражу, оставил после себя труп, может, и авария его рук дело? А то всё слишком хорошо вписывается в сценарий или в дело вмешался жестокий случай?

Эрза более не стремился к правде, она принесла ему слишком много горя за неполные сутки. А виною всему – благие намерения и забота о человечестве.

Молчание детектива Ларс расценил, как колебания, поэтому стал подталкивать его:

– Ну же, вы только представьте себе, что через десять лет медицина станет ещё лучше, и всё благодаря прогрессу. Вам не нужды стоять у него на пути.

Эта фраза стала решающей. Международные гранты и технологические достижения не играли для детектива никакой роли, он продавался за жизнь жены и считал это благородным поступком. Какая ему в конце концов разница, чей прогресс победит? Уставившись на кончики свои туфель, он принялся рассказывать о существах, которых ему так и не удалось увидеть.